И во время дороги в Смирну, и все полтора года пребывания в Порте его мучают «припадки ипохондрии», переходящие в «тягостную мрачность». Еще в Херсоне почувствовал он необъяснимую тревогу, лишившую его душевного равновесия и только ему присущей просветленности, которая исходила от него в минуты внутреннего покоя. «Только знаешь ли ты, что я уже сам примечаю, что я на себя не похожу. *Я подвергаю пытке свою голову, заставляю ее размышлять, соображать, обдумывать, сколько есть у меня сил.*[52] Странное дело, сколько обстоятельства умом и духом нашим поворачивать могут! Нет, уж не написал бы ты теперь такова письма, в котором бы ты меня небесным Иваном назвал» (47). Хемницера волнуют не новые для него служебные обязанности и не условия жизни в далекой Турции, а собственное эмоциональное состояние, которое он никак не может предугадать и с которым боится не справиться: «...живу все еще между надежды и отчаяния, не зная что со мною будет. Не должность, не дела меня тревожат, но прочие обстоятельства, как будет жить. Поверь, что голова немало кружится. Разве судьба невидимо какими-нибудь чудесами исправит, или, лучше сказать, мою думу и старания, где только употребить последнее можно будет, обратит в пользу» (51).

Ожидая яхты в Смирну, он бродил по берегу моря и напряженно всматривался в даль, как будто там пытался разглядеть свое будущее. «Теперь сижу я у моря и жду погоды; однако все это не без скуки <...> я, как говорится, сколько спекуляции ни делаю, однако не вижу еще, что будет» (56, 47). Как всякий человек с неотступной мыслью, он воспринимает действительность через призму своей тревоги и во всем видит знаки, подтверждающие его нарастающие опасения. Остро и болезненно реагируя на любые сведения о жизни дипломатов в Порте, он специально ищет «людей, которые прямо о Смирне знают». При этом он остается глух к положительным отзывам и невольно накапливает в себе только негативную информацию: «Все говорят, что место прекрасное, только все говорят также, что моего звания люди живут совершенно на ноге цареградских министров, если не пышнее. Признаюсь тебе, что это мне мало покою дает» (47). Он непрерывно думает о «проклятой язве», эпидемии которой «никак не утихали» в Порте, вносит в записную книжку сведения о константинопольской и левантской чуме, с плохо скрываемым за шуткой беспокойством сообщает Львову анекдот о местных эскулапах. «Ко мне все здешние эскулапы приходили <...> Один из них всеми силами навязал на меня еликсир бальсамической от всех на свете болезней, и говорит, что он отвечает если кто, употребляя этот эликсир, умрет: однако я точность его поручительства испытать не намерен» (67—68). Разумеется, Хемницера настораживало и то, что секретарь

[52] Выделенный текст в подлиннике на французском языке.